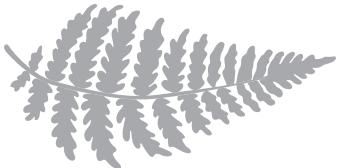

СОДЕРЖАНИЕ

КУПАЛЬЯ НОЧЬ	5
НЕ ВИЖУ ЗЛА.	175
НА РАЗВИЛКЕ ДОРОГ.	190
ЖИВАЯ КРОВЬ, МЁРТВАЯ КРОВЬ	256
КРАЙ ВЕТРОВ	342

КУПАЛЬЯ НОЧЬ

333 год Рассвета

Ишь несколько ночей в году Скитальца никто не гнал от своего порога, и сегодня была именно такая ночь. Пламя костра вилось в звёздное небо, покуда вокруг танцевали распустившие косы девушки. Свириль и флейта заставали мотив, а гусли и хлопки вторили, делая мелодию звонче, и люди запевали песню, заклиная Купалью ночь:

*Как же ночка кофотка
На Купалы летни дни,
На Купалы летни дни
Люба ночка да мала!*

Морен сидел у корней, скрытый в тени ветвистого дерева, и издали наблюдал за празднеством. Куцик хохлился у него на плече. Его, большую хищную заморскую птицу, пугали скопление людей, музыка и шум. Морен не держал его, Куцик спокойно мог улететь и найти для себя место потише, спрятаться в ветвях вяза, под которым они сидели, но он упрямо оставался подле хозяина. Повернув голову, следил жёлтым глазом за танцующими и иногда клевал

Морена в маску на лице — выпрашивал что-нибудь поесть, чувствуя, что хозяин в хорошем расположении духа.

Праздники в деревнях всегда сопровождались играми, плясками и весёлым раздольем, но Купальи ночи воистину были особенными. Три дня и три ночи длились гуляния, в которые славили начало лета и зарождение жизни. У леса разжигали большой костёр, и пока мужчины, сидя на бревнах полукругом, играли музыку, девушки танцевали вокруг огня. Распустив волосы, сняв обувку и пояса, они оставались в одних лишь просторных рубахах до пят, а украшением служили цветы да яркие ленты на запястьях и стопах. А головы танцующих укрывали венки, сплетённые из лесных и полевых цветов да веточек.

*По реке венок пущу
И так милого найду!
И так милого найду,
Под венец за ним пойду!*

Одна из девушек, с пышной копной ярко-каштановых кудрей, остановилась перед Мореном, подмигнула ему, крутанулась, обернув юбку вокруг стройных ног, и изящной ланью прыгнула через костёр. То одна, то другая красавица в танце открывала босые ножки на усладу мужским глазам. Некоторые, разбежавшись, не успевали остановиться, когда их ступни касались земли, и падали в объятия юношей, случайно или намеренно — никто не знал. Говаривали, если прыгнуть через костёр и попасть в руки мужчины, то будет верный знак: свёл вас сам огонь и это и есть твой суженый. Назавтра те девушки, кому не повезло найти пару сегодня, отправят по реке венки, гадая на наречённого. Кто выловит венок из воды, тот и позовёт под

венец — такая была примета, поэтому каждый венок красавицы плели сами, нарвав заранее любимые цветы.

*А в лесу цветёт цветок
Красным зафевом в ночи!
Коль отыщешь, пфинесёши,
За тебя люба пойдёт!*

Музыка зазвучала быстрее, флейта вышла на первый план, застучали ложки. Кто не умел играть, хлопал в ладоши, бил себя по коленям в такт или затягивал песню. Девушки смеялись, случайно встречаясь друг с другом в танце, сплетали пальчики и кружили, будто влюблённые птички по весне. Иногда к ним присоединялись юноши — они ловили пляшущих девушек, а тех из них, кого удавалось схватить, утаскивали с собой под общее улюлюканье и смех.

Морен прятал под маской улыбку. В праздники считалось дурным прогнать гостя или хоть чем-то обидеть его — так и беду накликать можно, — потому сегодняшним утром Скитальца встретили как родного. Его не звали в круг, не предлагали сыграть или станцевать, а девушки не дарили венки из полевых цветов. Но зато его усадили за праздничный стол, накормили и позволили остаться, а к ночи даже пригласили к костру вместе со всеми. Именно за это Морен и любил праздники — вечный изгнаник, которого боятся люди, в такие дни не чувствовал себя изгоем.

*Но коваfen тот цветок,
Лес его не зря хранит!
А Купалья ночь скора...
Как же ночка кофотка!*

Стройная мелодия запнулась, струны лютни неприятно звякнули и затихли. Один из музыкантов оборвал игру, за

ним второй, третий, и музыка остановилась. Волной прокатились по толпе шепотки. Наступила зловещая тишина, и Морен услыхал полный паники и животного страха крик:

— Псы! Охотники!

Деревенские бросились врассыпную. Мигом поднялся шум, голоса ревели от ужаса, многие повскакивали с мест,роняя инструменты. Девушки кинулись в лес, надеясь укрыться среди теней и деревьев. Морен встал на ноги, и Куцик спорхнул с плеча, издав пронзительный клич. Сквозь голоса, топот и крики явственно слышались лошадиное ржание и стук копыт. В освещённый огнём круг, сбивая с ног людей, ворвались всадники — Охотники Единой Церкви, облачённые в плащи из кроваво-красной кожи.

Кони их встали на дыбы перед костром, вселяя ещё больше страха в убегающих людей. Далеко не все жители деревни успели скрыться, многие бросались наутёк не разбиная дороги, поэтому запинались и падали. Тех же, кто замешкался или просто оказался недостаточно проворен, всадники ловили под локоть или за шиворот рубахи и толкали да швыряли обратно к костру. Постепенно Охотников, пришедших из темноты, становилось всё больше, и они замыкали круг, не давая сбежать тем, кого удалось поймать. В большинстве своём пленёнными оказались девушки. Всадники теснили их к огню, глумились и посмеивались:

— Ведьмы! Только ведьмы и потаскухи так ходят.

— Потаскухи и есть. Волосы распустили, так и сами, видать...

— Уверен, они и ноги вместе не удержат. Так, глядишь, и для нас местечко найдётся, а?

Среди пойманных оказалась и та, с гривой каштановых волос, что танцевала перед Мореном, — она закрывала собой девчонок помладше, и те жались к ней, цепляясь за её руки. Смеясь, один из Охотников — крупный, коренастый, с багровым лицом и массивной челюстью — подвёл коня к костру, не обращая внимания на его нервное ржание, и схватил девушку за локоть. Рванул к себе, отделяя от других, и бросил ей в лицо с глумливой ухмылкой:

— Сжечь бы тебя, да жалко такую красоту — и в костёр.

— Пусть сначала пользу принесёт, — вторил ему другой всадник. — Замолит, так сказать, свои грехи, а потом уж и в костёр.

Девушка попыталась вырваться, но держащий её только рассмеялся и притянул ближе. Лошади нервно трясли головами вблизи огня и пугали деревенских не меньше Охотников, заставляя цепенеть от ужаса, — разъярённый конь куда опаснее голодного волка. Но Охотник не замечал или не желал замечать страха людей и своей лошади. Явно веселясь, он полез рукой в перчатке под платье пойманной, желая пощупать грудь. Девушка вырвалась и плюнула ему в лицо. Толпа всадников рассмеялась, и только оскорблённый Охотник побагровел ещё сильнее, вытирая слону с лица.

— Ах ты...

Он потянулся к мечу, но властный мужской голос за его спиной холодно молвил:

— Оставь её. Язычников надлежит сжечь. Пусть же сгорят в собственном костре, раз не побоялись разжечь его, — вмешался другой Охотник.

— Ну уж нет! Сначала я проучу их, покажу, кто здесь главный. А подружки её и трусливые дружки пускай посмотрят.

Когда он спрыгнул с коня, Морен не выдержал. Не обнажая меч, он вышел из тени в круг света и крикнул:

— Отпустите их!

Всадники обернулись к нему без особого интереса. Их глазам предстала невысокая фигура в тёмных одеждах под распахнутым плащом. Глаза Морен прятал под шляпой с загнутыми полями, а половину лица — за чёрной тканевой маской, уходящей под ворот куртки. Кто-то из Охотников даже усмехнулся, оценив одиночку в странных потрёпанных одеждах, вооружённого коротким мечом. Они ему не чета, ведь каждый Охотник был облачён в яркий, с иголочки плащ из красной кожи, расшитый золотой нитью орнаментом в виде солнца. У каждого — прикреплённый к седельным сумкам арбалет и меч на поясе. Их шляпы украшали маховые орлиные перья и золочёные бляшки с собачьей головой, держащей в пасти остроконечное солнце. Такие же бляшки, как знак отличия, висели на груди и поясах. Богатые, дорогие одежды и добротное снаряжение, но главное — их было много, а он один.

— Герой выискался, — с презрительной усмешкой бросил ему в лицо коренастый. — Язычников защищаешь?

— Оставьте их в покое. Они не сделали ничего дурного.

— Языческие празднества запрещены. Они понимали, на что шли.

И вновь этот холодный надменный голос, но лишь теперь, когда Морен подошёл ближе, он сумел разглядеть самого Охотника. Худой, со впалыми щеками и вострым лицом, он был сильно старше остальных. Крючковатый нос, тонкие сжатые губы, впалые глаза с залёгшими под ними синяками — впечатление он производил отталкивающее.

А ещё, в отличие от других, голова его была гладко выбрита, что говорило о принадлежности к священникам*. Вот только священники не облачались в красные плащи, если только их не лишали сана за какой-либо проступок.

— А похоть, насколько я знаю, грех, — произнёс Морен, оглядывая остальных, ведь следующие слова предназначались уже им: — Не боитесь?

— В меру можно всё, — ответил ему коренастый. — Иди куда шёл, а то за ними в костёр отправим.

Морен извлёк меч из ножен и подошёл ближе. Железные пластины, нашитые на штаны и куртку, отразили пламя костра тусклыми бликами. Куцик опустился к нему на плечо, открыл клюв и прокричал мужицким голосом:

— Псы! Охотники!

— Я вежливо попросил отпустить их, — обратился Морен к Охотнику, что всё ещё стоял подле девушек.

Тот окинул его взглядом, ухмыльнулся самодовольно и достал меч. Девушки испуганно вскрикнули и зажали рты ладонями, когда он шагнул к Морену. Но прежде чем случилось непоправимое, старший Охотник подскочил и преградил ему путь. Конь его при этом взмыл, переминаясь с ноги на ногу.

— Стой! С проклятым не стоит связываться.

— С проклятым? — переспросил коренастый, точно не понял.

Но когда он взгляделся в Морена, глаза его распахнулись, отражая страх.

* Священники — служители Единой Церкви, что исповедует веру в Единого Бога. Поскольку считается, что небесное солнце — это лик Единого Бога, что следит за людьми и их действиями, правильное написание именно «священники», как производное от «освещённые» или «свет».

— Я бы предпочёл, чтоб меня называли по имени, — вмешался Морен. — Или хотя бы Скитальцем.

— Имя сути не изменит. — Старший окинул взглядом остальных. — Едем, нам должно было разогнать языческое празднество, Бог сам покарает их за грехи.

Охотники понуро опустили головы. Коренастый взобрался на коня и следом за остальными развернул его в сторону деревни. Оставив людей в покое, не оборачиваясь, они скрылись во тьме так же, как и появились.

Когда топот копыт утих, деревенские стали расходиться. С опаской и затаённой благодарностью они поглядывали на Морена, пара девушек даже поклонились ему, прежде чем поспешить домой. Из леса показались и остальные, кто прятался там в ожидании, когда утихнет буря. Но лишь незнакомка с каштановыми кудрями смело подошла к Скитальцу как к давнему другу и улыбнулась ему.

— Я хочу отблагодарить вас.

— Я, по сути, ничего не сделал.

— А вот и неправда, вы за нас вступились. Говорят, вы чудовище, нечисть, и лика человечьего у вас нет. А по мне, так это они звери, что в человечьей шкуре прячутся. — Она вздохнула. — Жаль только, они вернутся. Всегда возвращаются.

— Неподалёку построили церковь? Не припомню Охотников здесь прежде.

— Верно, в Предречье. Её только недавно достроили, ещё и двора нет, а Охотников уже нагнали. А они вот нас гоняют. Вы не подумайте, мы супротив Бога не идём, да и праздник наш прежде ему не мешал. Другое им от нас нужно.

— Это что же?

Она игриво улыбнулась, повернулась к нему полубоком, повела плечом, словно зазывая за собой. Морен вскинул брови и не сдвинулся с места. Тогда она рассмеялась и заговорила вновь:

— Давай так: в благодарность я тебя к себе отведу, ночь у меня переждёшь. Наверняка не откажешься от сытного ужина да крыши над головой. А я расскажу тебе одну тайну. Хочешь снова стать человеком?

Но Морен замотал головой и только сейчас, опомнившись, убрал меч.

— Я не верю в сказки.

— А отец Ерофим, наш новый епархий, верит, оттого и отправляет к нам Охотников. Слышал когда-нибудь про огненный цветок?

— Что это?

— О-о-о, заинтересовался? — протянула она со смехом. — Раз в год распускается он, лишь на Купальи ночи. В лесу после захода солнца расцветает папоротник огненным цветом и сияет закатным заревом до утра. Коли сорвёшь такой цветок, он любое желание исполнит. Ну так что, пойдёшь ко мне?

Морен пристально вгляделся в смеющиеся карие глаза.

— Не боишься меня? — спросил он.

— Чего же мне тебя бояться? Я не чудовище, не бес, не нечисть. А коли стану ими, так только рада буду, ежели ты рядом окажешься.

— И отец с матерью не будут против?

Она рассмеялась пуще прежнего, но без былого веселья.

— Некому уж возразить, одна я осталась. Да и не нужен мне никто, оттого они меня ведьмой и кличут.

Но Морен упрямо покачал головой.